

К 1798 г. относится еще одно выступление Карамзина, также направленное против тех же приемов в поэзии, против «воспаленного воображения» и «слишком единообразной меланхолии».

Печатаемая в «Пантеоне иностранной словесности» отрывки из незадолго до того изданных на английском языке Джоном Смитом «новых» поэм Оссиана, Карамзин предваряет их собственным критическим рассуждением: «Читатель найдет в них то же воспаленное воображение, смесь геройства с нежными сценами, всегдашний переход от сражений к любви, от любви к сражениям, беспрестанные обращения к шумным ветрам, седым облакам, пенистому морю, ужасам ночи (единственным предметам, окружающим поэта северной и дикой страны) и сию трогательную, но слишком единообразную меланхолию, которая составляет красоту и порок Оссиановых творений... Начало Оссиановых Элегий (так можно назвать его поэмы) трогает душу и настраивает к меланхолии; но беспрестанное повторение одних чувств, одних картин скоро утомляет ее, подобно как частое повторение одних звуков утомляет слух наш. Основание и подробности сих гимнов всегда единообразны, и читатели, имеющие вкус, не должны уподоблять их таким творениям, в которых соединяются красоты и чувства всякого рода».⁴⁷

Основной порок поэм Оссиана, по мысли Карамзина, состоит в том, что он «слишком единообразно выражает свои чувства, беспрестанно повторяет себя, скорбит без надежды и, видя в будущем одну тьму ничтожества, не имеет никакого способа украсить, возвеличить судьбу человека в собственных глазах своих — что должно быть целью всякого поэта, желающего нравиться векам и цвести неувядаемо в своих творениях».⁴⁸

Приведенный отзыв представляет заключительное звено эволюции темы меланхолии и темы Оссиана в творчестве Карамзина 90-х годов. В 1791 г. в «Московском журнале», печатаемая поэма «Барда Оссиана» «Картон», Карамзин очень высоко оценил художественные достоинства «сих драгоценных остатков древней поэзии». «Все любители поэзии, — говорил Карамзин, — почувствовали красоты Оссиановых песней», и далее более подробно пояснил «в чем состоит достоинство Оссиановых песней»: «В неподражаемой прекрасной простоте, в живости картин из дикой Природы, в краткости, в силе описаний и в оригинальности выражений, которые, так сказать, сама Натура ему представляла. Почти все его песни трагического содержания. Глубокая меланхолия — иногда нежная, но всегда трогательная — разлившаяся во всех его творениях, приводит читателя в некоторое уныние; но душа наша любит предаваться унынию сего рода, любит питать оное, и в мрачных своих представлениях сама себе нравится».⁴⁹

⁴⁷ «Пантеон иностранной словесности», М., 1798, кн. I, стр. 200—202.

⁴⁸ Там же, стр. 206—207.

⁴⁹ «Московский журнал», 1791, ч. II, стр. 116—117. На диаметрально противоположность этих двух отзывов об Оссиане — 1791 г. и 1798 г. —